

УДК 340

ЕДИНСТВО ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ И СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ПРАВОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ**Кабатаева К.Т.***Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза, Караганда,
e-mail: gulbeisen@mail.ru*

В статье раскрывается прямая зависимость закона, суда и судебной системы конца XIX – начала XX века от административно – политической системы. Требование единства юридической терминологии особенно возрастает в современный период, когда научно-технический прогресс все глубже проникает в общественную жизнь, когда увеличивается специализация знаний. Один из важных аспектов терминологического единства состоит в необходимости избегать в законодательных текстах терминов с разным значением и одинаковым звуковым составом.

Ключевые слова: юридическая терминология, правовые термины, судопроизводство, судебная система, законодательные тексты, принцип единства юридической терминологии, научно-технический прогресс, управления и внедрение вычислительной техники, принцип единства юридической терминологии, системный подход к терминологии, словообразовательная вариантность, терминологическая омонимия, принцип лингвистической экономии

UNITY LEGAL TERMINOLOGY AND SYSTEMATIC APPROACH TO LEGAL TERMINOLOGY**Kabataeva K.T.***Karaganda Economic University Kazpotrebsoyuz, Karaganda, e-mail: gulbeisen@mail.ru*

In the article is revealed the direct dependence of law, justice and judicial system from administrative political system at the end of the XIX century and at the beginning of XX century. The law of Kazakh steppe was used to submit criminal case.

Keywords: legal terminology, legal terminology, legal proceedings, the judicial system, legislative texts, the principle of unity of the legal terminology, scientific and technological progress, management and implementation of computer technology, the principle of unity of the legal terminology, systems approach to terminology, word variability, terminological homonyms, the principle of linguistic economy

Законодательство тяготеет по смыслу к сфере точных знаний, требует однозначности составляющей его основу информации. Это требование для законодательства особенно существенно, поскольку правовые предписания должны обладать максимальной точностью изложения, и потому выделено в особое подразделение работы. Однозначность и точность информации в правовых документах невозможны при разном лексике, разночтении терминологии.

Требование единства юридической терминологии особенно возрастает в современный период, когда научно-технический прогресс все глубже проникает в общественную жизнь, когда увеличивается специализация знаний. Постоянное совершенствование управления производством, усложнение общественных процессов, внедрение вычислительной техники, создание автоматизированных систем управления и внедрение вычислительной техники, создание автоматизированных систем управления и информационных сетей, рост межнационального и международного сотрудничества во всех областях жизни – все это требует установления единых, четких и однозначных терминов, применяемых в науке, производстве, социальной сфере,

культуре. Обозначение одного и того же правового понятие различными терминами – форма проявления избыточности юридической информации, с которой необходимо энергично и последовательно бороться, имея в виду в том числе и перспективы создания и внедрения информационно-поисковых систем в законодательстве и превращение их в общегосударственную систему.

Для единства юридической терминологии необходимо, чтобы при обозначении в нормативном тексте определенного понятия последовательно употреблялся один и тот же термин, а при обозначении разных, не совпадающих между собой понятий использовались различные термины. Иначе возможны нечеткость, путаница и даже ошибки в правовой деятельности. В связи с этим понятно, почему о необходимости единства юридической терминологии говорят практически все ученые, занимающиеся проблемами законодательной техники [1, 21].

Понятно, что единство юридической терминологии необходимо для правильного и единообразного применения права. Соблюдение этого принципа отражает уровень юридической культуры правотворчества. Могут возразить, что употребление одних и тех же терминов способно ухудшить стиль

речи законодателя. Однако для юридического текста это возражение неприемлемо, ибо разнообразие здесь может нанести ущерб четкости, точности, а главное – однозначности изложения мысли законодателя. Справедливо отмечается, что повторение в законодательных текстах одних и тех же терминов вытекает из нормирующей и унифицирующей природы самого права, в силу чего является вполне оправданным [2, 168]. Требование единства юридической терминологии настолько важно, что его следует установить в нормативном порядке, подобно тому, как это сделано для унификации системы единиц измерений в химии, физике, метрологии.

Принцип единства терминологии должен соблюдаться при внесении различных изменений в законодательстве с учетом системности права. Так, если законодатель в основном акте отказывается от какого-либо термина, то необходимо исключать этот термин и из других актов, принятых в его развитие. К сожалению, это правило соблюдается не всегда. Например, в Основах гражданского судопроизводства уже употребляется термин «неосновательное обогащение», признанный неточным. Вместо него в Основах использован термин «неосновательное приобретение или сбережение имущества».

Наиболее жестко и последовательно принцип единства юридической терминологии должен проводиться в пределах одного нормативного акта. Здесь терминологический разнобой становится уже существенным нарушением законодательной техники. Между тем, в процессе правотворчества такое нарушение происходит достаточно часто. Например, в действующем законодательстве о судостроительстве встречаются термины и «защитник», и «адвокат»; в семейном законодательстве – и «расторжение брака», и «развод». Вот еще примеры: «наследник» и «наследователь»; «убой скота» и «забой скота»; «тяжкие последствия» и «тяжелые последствия»; «незаконная охота» и «браконьерство»; «транспортное средство» и «средство транспорта»; «таможенный контроль» и «таможенный досмотр»; «таможенная пошлина» и «таможенный сбор». Создается впечатление, что законодатель, заботясь о стилистическом разнообразии, приносит ему в жертву единство терминологии.

Бывает, и притом нередко, что единство терминологии нарушается как бы исторически – в актах, изданных в разные годы, иногда через значительные отрезки времени.

Например, в хозяйственном законодательстве можно найти такие идентичные по

смыслу термины, как «железнодорожный путь», «железнодорожная линия», «железнодорожный путь сообщения»; «штатный аппарат», «штатный контингент», «штатный состав», «штатный персонал», «экономическая заинтересованность», «экономический интерес», «экономический стимул», «экспортируемая продукция», «экспортная продукция», «некачественная продукция», «недоброкачественная продукция».

Аналогичные примеры можно привести, анализируя и трудовое законодательство («удержание» и «вычет», «ночная работа» и «работа в ночное время», «сезонный характер работы» и «сезонная работа», «новый вид профессии» и «новая профессия», «работники» и «рабочие и служащие»); акты о землепользовании («приусадебные участки», «земельные участки» и «приусадебные земельные участки»; «пахотные земли» и «пахотные угодья»; «охранная зона» и «защитная зона»).

Принцип единства юридической терминологии можно распространить также на однотипные нормативные акты, издаваемые правотворческими органами, не находящимися между собой в отношениях субординации (например, правотворческими органами союзных и автономных республик, министерствами, ведомствами, местными органами).

Строгий контроль за обязательным соблюдением единства терминологии в одноименных актах, издаваемых различными органами, мог бы расцениваться как вмешательство в суверенные права соответствующего правотворческого органа. Хотя и представляется желательным максимально унифицировать употребляемые в одноименных кодексах союзных республик термины, однако жесткие требования предъявлять в таких случаях было бы неверным.

Один из важных аспектов терминологического единства состоит в необходимости избегать в законодательных текстах терминов с разным значением и одинаковым звуковым составом. По сути, функционально это – терминологическая омонимия. В рамках одной отрасли законодательства, а тем более внутри одного нормативного акта, равно как в комплексе основного акта и развивающих его положения иных юридических документов, терминологическая омонимия может стать существенным недостатком правотворческой техники. Так, ст. 34 УПК РСФСР определяет заключение прокурора, как мнение, высказываемое им в предусмотренных законом случаях в суде. Здесь слово «заключение» употреблено в значении «мнение, утверждение, воз-

никающее в результате размышления или высказываемое устно. « По смыслу же ст. 387 того же Кодекса заключение прокурора – это письменный документ, подытоживающий результаты расследования вновь открывшихся обстоятельство . В этом случае слово « заключение» употреблено в значении «письменная итоговая оценка».

Вот другие примеры применяемых в законодательстве терминов, имеющих два или несколько значений: «аттестат» (учебный, воинский, продовольственный), «брак» (супружеские отношения, производственный брак), «наем» (имущественный, на работу); «отвод» (земель, участков, кандидатуры), «отпуск» (выдача чего-либо, отдых), «прокат» (сдача внаем, обработка металла), «рынок» (базар, сфера товарооборота), «ссылка» (на что-либо, наказание).

Как видим, из-за терминологической омонимии может смешиваться значение слов в нормативном акте, и поэтому ее следует по возможности сокращать, добиваясь тем самым большего единства юридической терминологии.

Во всех областях знания при широком разнообразии качественного анализа существуют два его уровня: анализ отдельных элементов, их свойств и характеристик и системный анализ всей совокупности элементов. Для правовой терминологии системность при анализе особенно важна, и требования к употреблению юридической терминологии должны исходить в первую очередь из системного анализа терминологического массива.

В терминоведческих работах языковая системность предполагает логическую упорядоченность описания, которая выражается в системности отношений отдельных языковых элементов [3, 123]. Для языка законодательства при современных разработках информационно-поисковых систем отображением отношений между правовыми терминами выступает Общеправовой тезаурус. Термины законодательства представляют собой не произвольную совокупность, а терминологическую систему, поскольку понятия, которые ими выражены, составляют внутренне связанную систему.

Интересный и яркий пример этого положения обнаружен в Общеправовом тезаурусе автоматизированной системы АИПС «Законодательстве». К заглавному слову «признание» в словарную статью в качестве термина, связанного ассоциативной связью, был включен термин «раскаяние». Тем самым термин «признание» был отнесен по значению к уголовному законодательству. При функционировании поисковой системы понадобилось включить в словарную

статью новый термин из текущего законодательства – «всенародное признание». Формально он должен быть нижестоящим к дескриптору «признание», но тогда к нему абсолютно невозможна ассоциация «раскаяние». В эту вновь сформированную словарную статью термин «раскаяние» не может быть включен, иначе статья распадется по значению. Как видно, объединение в тезаурусе двух терминов (в различных сочетаниях) определяет возможность или невозможность включения в эту группу третьего термина. Тем самым объем значения каждого термина определяется его связями с тем или другим «соседом» по словарной статье тезауруса. Поэтому внутри словарной тезаурусной статьи место термина по отношению к другим терминам может рассматриваться как определение термина.

В нормативных актах выделяются многословные словосочетания, т.е. состоящие из четырех и более слов. Они употребляются для выражения сложных понятий, каждому из которых соответствует свой термин. Так, понятие «преступление против порядка управления» может быть выражено сочетанием терминов: «преступление»+«порядок управления»; словосочетание, соответствующее понятию «незаконное решение суда по гражданскому делу», включает термины «незаконность» + «суд» + «решение суда» + «гражданское дело».

Требование системности применительно к правовой терминологии не позволяет использовать внутри терминологических сочетаний предикаты, явно выражающие действие. Составные сочетания, определяемые как термины, могут быть лишь не-предикативными сочетаниями. Например, неуместно определять как термины следующие сочетания, явно содержащие предикат: «взыскание, применяемое к лицу, лишеному свободы», «охота на зверей, охотиться на которых полностью запрещено», «охота после применения мер административного воздействия за нее», «занятие врачеванием как профессией лицом, не имеющим надлежащего медицинского образования». Все перечисленные примеры включены в тезаурус из нормативных актов в качестве отдельных дескрипторов, а между тем сочетания требуют разделения на отдельные термины непредикативной семантики. Такие действия неизменно должны сопровождаться включением дополнительных терминов, снимающих неоднозначность терминов и объединяющих их в группы по общему для них выделяемому признаку.

Системный подход к терминологии предъявляет к правовым терминам, содержащимся в законодательных документах,

и определенные языковые требования. Они вызваны следующими лингвистическими принципами: при употреблении термина необходимо подчиняться требованиям однозначности и взаимообусловленности, принцип нормативности терминологии имеет в основании требование общелитературности всех языковых компонентов нормативного акта, принцип лингвистической экономии влечет за собой многочисленные и разнообразные последствия, которые выражаются, в частности, в том, что недопустима тавтология, нужна завершенность семантических связей.

Словообразовательная вариантность в терминологии очень велика и проявляется различными способами.

В разных нормативных актах встречаются термины, образованные от одного корня с помощью разных суффиксов:

в именах существительных (обычно отглагольных), обозначающих действие (обезличивание – обезличка; осушение – осушка; приостановление – приостановка; опротестовывание – опротестование; конфискация – конфискование; опека – опекунство); второе слово в каждой из пар является разговорным вариантом, иногда даже просторечным; при выборе варианта следует руководствоваться лексическими пометами в толковых словарях русского языка;

в определениях внутри словосочетаний (жилой массив – жилищный массив; оборонные мероприятия – оборонительные мероприятия; легкогорючий груз); при решении вопроса о выборе одного варианта из данных и подобных пар можно рекомендовать обратиться к тезаурусу, чтобы учесть, как часто встречается термин в поисковом массиве и употребляется в словосочетаниях, а затем выбрать наиболее частые и употребительные формы.

Словообразовательным вариантом выступает в терминологии неполное соответствие структур терминов. С равной частотой употребления в актах и в тезаурусе существуют термины «очистка воды» и «водоочистка». Но в паре «одинокая мать» и «мать-одиночка» первый термин значительно превосходит по частоте употребления второй. К этому же типу словообразовательных вариантов относится и группы терминов с перестановкой частей в словосочетаниях: «отдел жилищно-коммунального хозяйства» – «отдел коммунально-жилищного хозяйства», «кооперативно-колхозная собственность» – «колхозно-кооперативная собственность». Сюда же типологически включаются пары словосочетаний с об-

ратным порядком слова: «обязательное государственное страхование» – «государственное обязательное страхование». В отношении подобных вариантов терминов позиция законодателя должна быть однозначной – следует выбрать только один вариант.

Промежуточной формой между грамматическими и синтаксическими вариантами, функционально выступающей как синтаксическая, является вариантная пара терминов типа: «орган прокуратуры» – «прокурорский орган». Обычно это пара словосочетаний из двух или более слов каждая; в одном случае – это существительное с подчинительной связью, в другом – согласованное определение при имени. В нормативных актах (по материалам тезауруса) часты подобные ряды вариантов: «законодательство о труде» – «трудовое законодательство»; «отдел торговли» – «торговый отдел»; «площадка для игр» – «игровая площадка»; «земля колхозов» – «колхозная земля». Очевидно, именно критерий стилистической целесообразности (например: «площадка для игр» – строже, официальнее; «игровая площадка» – проще, выразительнее) должен быть положен в основание выбора варианта из пар данного вида.

К другой группе неприемлемых словосочетаний, но противоположных по конструкции предыдущей группе терминов, относятся термины, состоящие из двух частей, в которых первая часть по смыслу никак не предполагает следующую. Противоречие это наиболее заметно, если сравнить термины: «боец» – «боец скота»; «мастер» – «мастер свиноводства»; «оператор» – «оператор машинного доения».

Предложенный анализ законодательного материала позволяет сделать практический вывод о том, что принцип грамматической и семантической экономии и непротиворечивости должен быть ведущим в работе над правовой терминологией.

Список литературы

1. Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. – Пермь, 1967. 245 с.
2. Ушаков А.А. Указ, работа. – 210 с.
3. Рефоматский А.А. Термин как член лексической системы языка // В кн. Проблемы структурной лингвистики. – М., 1968. 160 с.
4. Герд А.С. Проблема становления и унификации научной терминологии // Вопросы языкознания. 1971. № 1. 207 с.
5. Даниленко В.П. Русская терминология (Опыт лингвистического описания). – М., 1977. – 195 с.
6. Боголюбов С.А. Язык законоприменительных актов // Сов. юстиция. 1973. № 15. – 121 с.